

В. В. Никонов

Этапность в политических преследованиях духовенства в 1920–1930-х гг. на примере настоятеля Владимирского храма в селе Краскове Московской епархии священника Сергея Никитского

УДК 271.2-9(470.311)+94(47+57)(091)
DOI 10.47132/1814-5574_2022_3_314
EDN XZSKKW

Аннотация: В статье на примере жизнеописания настоятеля храма в честь Владимирской иконы Божией Матери в подмосковном селе Краскове отца Сергея Никитского раскрывается механизм репрессивной политики советской власти против духовенства и мирян, открыто исповедовавших свою веру или находившихся внутри церковной ограды (являвшихся членами церковных советов, приходскими работниками и пр.). На основе анализа архивных источников и литературы по заявленной теме в статье делается вывод о том, что репрессии в отношении Церкви носили периодический характер. Меняясь по формам и содержанию, но не прекращаясь полностью на всем протяжении существования советской власти, они активизировались в отдельные периоды, сообразуясь с теми или иными внутри- и внешнеполитическими событиями, экономическими задачами, а также директивами и постановлениями руководства РСФСР и СССР, имевшими целью упорядочение церковно-государственных отношений. Рассматривая серию арестов отца Сергея Никитского в 1920–1930-х гг., автор приходит к выводу, что их причины никак не соотносятся с якобы противоправной деятельностью священника, а их периодизация соответствует общим тенденциям антицерковной политики. Материал статьи основан на архивных документах, выявленных и исследованных автором лично, часть из которых вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Владимирский храм в Краскове, Московская область, НКВД, ОГПУ, политические репрессии, Православная Российская Церковь, священник Сергей Михайлович Никитский.

Об авторе: **Вадим Вадимович Никонов**

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры Истории и организации архивного дела Российского государственного гуманитарного университета.

E-mail: nikonova-box2009@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9585-564X>

Для цитирования: Никонов В. В. Этапность в политических преследованиях духовенства в 1920–1930-х гг. на примере настоятеля Владимирского храма в селе Краскове Московской епархии священника Сергея Никитского // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 314–329.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2022

Vadim V. Nikonov

**Stages in the Political Persecution of the Clergy
in the 1920–1930s. Father Sergius Nikitsky:
the Rector of the Vladimir Church
in the Village of Kraskovo, Moscow Province**

UDK 271.2-9(470.311)+94(47+57)(091)
DOI 10.47132/1814-5574_2022_3_314
EDN XZSKKW

Abstract: The article, using the example of the life of the rector of the church in honor of the Vladimir Icon of the Mother of God in the village of Kraskovo near Moscow, Father Sergius Nikitsky, reveals the mechanism of the repressive policy of the Soviet government against the clergy and laity who openly professed their faith or were actively involved in the life of the church (who were members of church Councils, parish workers, etc.). Based on the analysis of archival sources and literature on the stated topic, the article concludes that the repressions against the Church were of a periodic nature. Changing in forms and content, but not completely ceasing throughout the existence of the Soviet government, they became more active in certain periods, in accordance with certain domestic and foreign policy events, economic tasks, as well as directives and resolutions of the leadership of the RSFSR and the USSR, aimed at streamlining church-state relations. Considering the series of arrests of Father Sergiy Nikitsky in the 1920s and 1930s, the author comes to the conclusion that their causes do not correlate in any way with the allegedly illegal activities of the priest, and their periodization corresponds to the general trends of anti-church policy. The material of the article is based on archival documents identified and researched by the author personally, some of which are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Vladimir Church in Kraskovo, Moscow Region, NKVD, OGPU, political repression, Russian Orthodox Church, priest Sergei Mikhailovich Nikitsky.

About the author: **Vadim Vadimovich Nikonov**

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Organization of Archival Affairs of the Russian State University for the Humanities.

E-mail: nikonova-box2009@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9585-564X>

For citation: Nikonov V.V. Stages in the Political Persecution of the Clergy in the 1920–1930s. Father Sergius Nikitsky: the Rector of the Vladimir Church in the Village of Kraskovo, Moscow Province. *Khristsianskoye Chteniye*, 2022, no. 3, pp. 314–329.

Введение

Тема репрессивной политики советской власти в отношении православного духовенства стала особенно актуальной сразу после изменения государственного курса в отношении Церкви в конце 1980-х гг. Сегодня в распоряжении историков имеется значительный объем введенных в научный оборот источников и литературы по этому вопросу, что позволяет выявлять тенденции, определившие этапы гонений на духовенство и мирян, открыто исповедовавших свою веру. Эти этапы связаны с периодами резкого увеличения числа возбуждавшихся уголовных дел, причем не всегда по 58-й — политической — статье. Иногда дела возбуждались по ряду уголовных статей, что имело целью дискредитацию людей внутри церковной ограды. Если выразить графически репрессивную статистику государства в отношении Церкви и ее служителей, то экстремумы графика покажут временные отрезки, когда нападки были наиболее активными. Это несколько волн в 1920-х гг., два выраженных пика в 1930-х гг. и один в конце 1940-х [Емельянов, Хайлова, 2008]. Архивные документы свидетельствуют, что многие из пострадавших в первые годы после победы революции через некоторое время арестовывались повторно, а некоторые и в третий раз. Есть и такие, кому пришлось пережить аресты и заключения четырежды. Чаще всего последний арест производился в период Большого террора 1937–1938 гг.

В настоящей статье в контексте сказанного рассматривается жизненный путь настоятеля сельского подмосковного храма. Уникальность судьбы свящ. Сергия Никитского заключается в том, что за 13 лет — с 1919 по 1932 г., он арестовывался четыре раза, и еще одно, пятое, дело арестом не закончилось. При этом вероятность того, что и пятое дело 1932 г. не стало последним, весьма велика, так как история политически обусловленных атак на священника не дает оснований думать, что власти не вспомнили про него в 1937 г. Однако документов о его дальнейшей судьбе на момент написания настоящей статьи обнаружить не удалось.

Дела 1920-х гг.

В ночь с 21 на 22 октября 1920 г. в подмосковном селе Краскове и соседней Малаховке было произведено несколько арестов. Это не было срочной операцией по захвату опасных преступников, которые могли оказать вооруженное сопротивление и попытаться скрыться. Напротив, все происходило спокойно, без спешки. Такой вывод можно сделать, просмотрев протоколы, составленные в ту ночь. Первое, что бросается в глаза: все эти протоколы (а арестовано было шесть человек) составлены двумя милиционерами — начальником Ухтомской милиции Ф. Дылем и старшиной Малаховской милицейской конторы Балабановым. Каждый произвел по три ареста и обыска. Все протоколы обысков написаны от руки, но совершенно одинаково, и заканчиваются словами: «...при обыске ничего не обнаружено и ничего не взято, претензий при обыске... не было и не будет» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38843. Л. 12). Даже обыск у священника Владимирской церкви села Краскова Сергея Михайловича Никитского — а именно он был выбран главной мишенью чекистов, — ничего не дал, и протокол содержит ту же фразу. Однако отсутствие в домах арестованных компрометирующих предметов и документов не повлияло на их дальнейшую судьбу: все они были отправлены в Ухтомский райотдел милиции, где и провели остаток ночи.

На следующий день, 22 октября, в 10 часов утра задержанные были ознакомлены с «копиями с постановлений», где указывалась причина их задержания, выразившаяся в ничего не говорящей формулировке, под которую можно было подвести все что угодно: «...задержан на основании отношения политбюро от 19/Х-20 г. № 726» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38843. Л. 16). «Отношение», на основании которого производились аресты, оказалось внутренним документом политического бюро Московской уездной милиции соответствующего статуса. Неизвестно, были ли задержанные

с ним ознакомлены, так как никаких расписок, свидетельствующих об этом, в деле нет. Само «отношение» в деле также отсутствует, но по сохранившимся материалам оно может быть с высокой степенью достоверности восстановлено.

Список арестованных в октябре 1920 г. в Краскове и Малаховке приводится в сопроводительном письме в ЧК при отправке их в Москву. Это Сергей Михайлович Никитский, Федор Иванович Попов, Николай Николаевич Данилин, Эдуард Егорович Вейде, Александр Сидорович Кузнецов и Виктор Эрнестович Фрейденберг (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38843. Л. 22).

Не случайно, что список возглавляет священник. Материалы дела свидетельствуют о том, что оно было исключительно против Церкви и ее служителей, а остальные пятеро арестованных оказались в списке только потому, что все они в той или иной степени имели контакт с духовенством.

Красковского настоятеля прежде уже арестовывали (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38843. Л. 39 об.). В апреле 1920 г. он был осужден на 1 год тюремного заключения, которое позже было заменено принудительными общественно полезными работами (ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 311. Л. 9, 9 об.). Дело рассматривалось в Московском губернском революционном трибунале. Отца Сергия обвиняли в неподчинении Декрету об отделении Церкви от государства и в контрреволюционной агитации, выразившейся в обычных для любого священнослужителя призывах к прихожанам не забывать Церковь и почаще приходить в храм, — обвинение, ставшее типичным с самых первых лет советской власти и остававшееся таковым с некоторой корректировкой формулировки до самого ее конца. В разные времена большевики по-разному карали за подобные «преступления»: в начале 1920-х гг. наказание, как правило, не превышало одного года, в начале 1930-х — трех лет, а в период Большого террора, когда священникам зачастую приписывали самые невообразимые преступления [Регельсон, 2017, 269], обыкновенный призыв к молитве мог закончиться для священнослужителя расстрелом. Но чем бы ни заканчивалось дело, любой гражданин, попавший однажды в поле зрения советских карательных органов, пожизненно рассматривался властями как потенциальный преступник.

На момент второго ареста в октябре 1920 г. отец Сергей еще не до конца отбыл «наказание» по предыдущему делу, и срок его принудительных работ не истек. Власти, однако, не собирались ждать окончания первого срока, и уже в июне, то есть за четыре месяца до очередного ареста, начали его подготовку. Заключалась она в том, что в Краскове чекистами был завербован осведомитель, очевидно, из ближайшего круга общения священника и церковного актива [Сипейкин, 2016]. Имени его в деле нет, но сам он в своих донесениях называет себя «сотрудником». Наличие в деле священника секретного сотрудника — «сексота» — было частой практикой антицерковной политики в РСФСР и СССР [Савин, 2014].

Судя по документам, «сотрудник» был завербован в начале лета или даже весной, так как первые его донесения датируются июнем 1920 г. По этим донесениям можно сделать вывод, что он являлся уроженцем или по крайней мере старожилом села Краскова, знавшим местное население очень хорошо. Несомненно также, что он хорошо знал всех арестованных и, как кажется, не вызывал у них враждебных чувств и недоверия, хотя сказать, что он состоял с кем-либо из перечисленных в дружбе, по его запискам тоже нельзя.

Донесения «сотрудника», которые он отправлял в «политбюро Московской уездной милиции» в период с июня по сентябрь 1920 г., можно условно разделить на три группы: июньские, августовские и сентябрьские. По своей сути все они являются отчетами осведомителя и написаны, очевидно, одним и тем же человеком, который, однако, по каким-то причинам пытался изменить их стиль. Все донесения «сотрудника» написаны исключительно безграмотным языком, но если при прочтении июньских и сентябрьских документов можно понять смысл того, что хотел сообщить автор, то с августовскими дело обстоит иначе. Надо полагать, что в августе «сотрудник» специально пытался изменить стиль своих донесений и стал писать еще более

безграмотно, так как сделать это иначе не был способен. Его августовские донесения написаны таким языком, что понять их получается не всегда¹.

Началом подготовки к очередному делу против настоятеля красковского храма можно считать донесение «сотрудника», датированное 26 июня 1920 г. В нем он писал: «Донесение от сотрудника: село Красково церковный дом Сергей Михайлович Никитский /ок 33 года/ мещанин города Москвы... имеет на квартире много священных книг, которые продает в церкви населению и за их берет деньги, да нанимая мальчиков продавать вазвания, ведет полную контр-рев, агитацию с гр. Сергеем Павловичем Поповским /дворянин сен (сын? — В. Н.) бывшего конюха при царском дворе/... василия Петровича Мотова, гр. Поповскому и спредседателям и он-же закупщик продовольствия кооператива села Красково Николай Николаевич Данилин /средняк/ собст, дом., со своей стороны предлагаю как можно поскорее произвести обыск у попа пока не распродал книги» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-34851. Л. 4).

12 июля «сотрудник» написал еще два донесения, первое из которых в полной мере оправдывает свое наименование, а второе представляет собой пересказ «сотрудником» проповеди свящ. Сергия Никитского, которую он произнес, так как в этот день Церковь празднует память святых первоверховных апостолов Петра и Павла. В первом читаем: «Донесение. от сотрудника: При храме священник Никитский ведет контр-рев. агитацию на почве выражения больше надо стремиться к храму чем к советской власти, и продавая населению в храме книги божественные следующие... все эти книги население берет на росхват так что мне пришлось достать 5 книг в 2 праздника, деньги собранные священником пользуется сам» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-34851. Л. 5). В донесении содержится перечень продававшихся о. Сергием книг, среди которых были Евангелие, письма свт. Феофана (Говорова), житие прп. Сергия Радонежского, а также душеполезная литература дореволюционного издания, рассчитанная на самый массовый спрос и продававшаяся прежде в храмах буквально за копейки, а часто раздававшаяся бесплатно. Обращает на себя внимание тот факт, что «сотрудник» сообщает о приобретении им пяти книг, причем не сразу, а «в 2 праздника». Из этого можно сделать вывод, что он совершил покупку целенаправленно и, судя по всему, по указанию «политического отдела милиции».

Выразительно характеризует «сотрудника» еще одно его донесение, написанное в тот же день, 12 июля, названное им «Вазвание» и содержащее пересказ проповеди о. Сергия Никитского в его, «сотрудника», изложении. «Братья и сестры, — говорилось от имени священника в „Вазвании“, — сегодня мы собрались сюда чтобы помолиться первоверховникам апостолам Петру и Павлу чтобы они услышали наше торжественное служение тогда надо было собраться в храм божий и такое количество богомольцев, на всетаки я объясню вам кто такой был Павел, это был рыболлов, а Петр изгнатель из храма не верующих». И далее в том же духе. Из этого фрагмента можно сделать вывод, что «сотрудник» был весьма далеким от Церкви человеком. Но не для выяснения того, кем были апостолы Петр и Павел, разумеется, писал «Вазвание» «сотрудник». Целью его было передать милиции такие высказывания священника, которые можно было бы истолковать как контрреволюционные. И такие высказывания «сотрудник» привел: «Я знаю, — якобы говорил священник, — к чему все христиане православные в данное время стремятся забыть храм они думают что им на том свете будет все прощено но наоборот кто слушает в данный момент этих людей говорящих не правду которые достают кусок хлеба обманом пуганием тюрьм и вы думаете что им на том свете будет рай но наоборот будет этим людям попадут все в ад кромешный» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-34851. Л. 6). Очевидно, что при желании такие речи вполне можно было интерпретировать как контрреволюционную агитацию, и вскоре за подобные высказывания будут давать реальный срок, но в 1920 г. в таких высказываниях состав преступления усматривался не всегда. Отметим кстати: даже если приведенные в изложении «сотрудника» мысли действительно были озвучены свящ. Сергием Никитским,

¹ Все донесения «сотрудника» приводятся в настоящей статье в редакции оригинала.

что маловероятно, в целом все сказанное в полной мере соответствовало действительному положению дел, так как большевики были именно людьми, «говорящими не правду» и добывающими кусок хлеба «обманом и пуганием тюрем».

Несмотря на имеющиеся в распоряжении уездной милиции донесения «сотрудника», арестовывать красковского настоятеля не торопились. Можно предположить, что органам требовались более веские улики, и вскоре возможность получения таковых представилась. В архивном деле сохранился документ без подписи и без даты, но явно относящийся к июлю 1920 г. Типологически это «классический» донос, однако автором его был не «сотрудник», а какой-то другой человек, личность которого остается невыясненной.

«Псаломщик красковской церкви Жернов, — читаем в документе, — остановил меня у входа в Совет (церковный? — В. Н.) и рассказал следующее:

1. Священник Никитский ведет антисоветскую пропаганду среди населения, путем распространения священной литературы... Устраивает грандиозные крестные молебны и приглашает для этого чинов епархиального ведомства черносотенного оттенка, которые произносят свои контрреволюционные речи.

2. Священник Никитский заставляет крестьянских мальчишек у входа в церковь стоять с тарелками и раздавать брошюры и листовки и за это собирать деньги» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-34851. Л. 8).

Как видим, стиль доноса и отсутствие ошибок даже в «трудных» словах, таких, как, например, «пропаганда» и «брошюра», позволяют с уверенностью утверждать, что писал его не «сотрудник». (Значит, в ближайшем окружении о. Сергия осведомителей было по меньшей мере двое, что свидетельствует о методах работы органов политического сыска с первых послереволюционных лет.) Из приведенного фрагмента следует, что псаломщик Жернов настроен против настоятеля красковского храма и, таким образом, занимает провластную позицию. Нижеследующий текст это предположение подтверждает: «Псаломщик Жернов, — продолжает доноситель, — он является регентом красковского церковного хора, и к 1 мая приготовил хор исполнить в красковском клубе революционные и светские песни, на что со стороны священника Никитского было оказано большое противодействие вплоть до предания суду епархиального ведомства Жернова. Дальше псаломщик Жернов заявляет, что если бы совет попытался сделать обыск в квартире Никитского, то с уверенностью можно было бы найти контр-революционную литературу, только это надо сделать аккуратно, потому что у него развит шпионаж, и всякие слова и разговоры священником исследуются» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-34851. Л. 8 об.).

Последнее замечание полностью согласуется с предложением «сотрудника» о проведении обыска на квартире о. Сергия. На доносе другим почерком стоит резолюция: «взять на учет». Это могло означать только одно — псаломщик Жернов вскоре будет допрошен. И действительно, в деле имеется повестка, которой он приглашался в контрреволюционный отдел Московской чрезвычайной комиссии для дачи показаний на 26 июля 1920 г. (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-34851. Л. 9).

Допрос состоялся в назначенное время, но следователя, который имел все основания ожидать от свидетеля показаний, обличивших свящ. Сергия Никитского как контрреволюционера и антисоветчика, ответы псаломщика удовлетворить не могли. И. С. Жернов подтвердил, что о. Сергей высказывался против исполнения церковным хором революционных и светских песен, но то, что он позволял себе когда-либо контрреволюционные высказывания, отрицал. Что касается продажи якобы антисоветской литературы, то, по словам свидетеля, ничего подобного в храме не практикуется. В действительности иногда после службы местные мальчишки раздают церковные листки и копеечные книжки духовно-нравственного содержания, за которые прихожане жертвуют мелочь, кто сколько может (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-34851. Л. 10–11).

Таким образом, псаломщик И. С. Жернов, «сочувствующий советской власти», о чем имеется запись в протоколе допроса, фактически развеял все подозрения в контрреволюционной деятельности свящ. Никитского. Этот факт примечателен тем,

что в 1920 г. показания свидетеля, оправдывающие предполагавшегося контрреволюционера, стали решающим аргументом в деле и были признаны следствием. В своем заключении по делу следователь Московской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Соколов, допрашивавший И. С. Жернова, указал, что «священная литература старого издания, распространяемая священником Никитским среди крестьян села Краскова... какого-либо контрреволюционного характера не имеет... Священник Никитский распространяет ее совершенно открыто... [Сведений] о распространении контрреволюционной литературы... в деле не имеется» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-34851. Л. 10–11).

Подобные заключения в делах первой половины 1920-х гг. редкостью не являются. Более того, в те годы дело часто даже не доходило до ареста, как это и произошло со свящ. Сергием Никитским, который не был арестован. Однако из своего поля зрения МЧК выпускать его не собиралась, что в конце своего заключения по делу и указал следователь Соколов: «Предлагаю: настоящее следственное дело производством прекратить и сдать в архив, но с тем, чтобы... взять священника Никитского на учет и следить за его действиями». На практике это означало, что каждый шаг о. Сергия отныне становился известным властям и арестовать его могли в любой день. При этом сведения о нем собирать не прекращали, чему свидетельством является очередная, августовская, серия донесений «сотрудника».

Выше отмечалось, что материалы, написанные «сотрудником» в августе, имели общую особенность, выражавшуюся в удивительной даже для 1920-х гг. безграмотности. То, что многие сельские (да и городские) жители, имевшие начальное образование или не имевшие его вовсе, писали с ошибками, ни для кого не секрет. Иногда эти ошибки кажутся досадными, иногда — забавными, но почти всегда не составляет труда понять, что имел в виду писавший. Донесения красковского «сотрудника» в этом отношении представляют собой редкое исключение. Ошибки, которые делал он, не всегда позволяют прочесть документ так, чтобы можно было с уверенностью сказать, что мы поняли его правильно. Рукописные оригиналы его донесений в деле отсутствуют, имеются лишь машинописные копии. При их чтении создается впечатление, что даже машинистка, которая их перепечатывала, испытывала определенные затруднения. Единственное, что она могла сделать, — это перепечатывать тексты слово в слово и буква в букву, сохраняя тем самым неповторимый стиль «сотрудника». Приведем некоторые примеры:

«Совер. Секретно 12 августа 1920 года.

ДОНЕСЕНИЕ

Фамилия Данилов.

От куда: Москов. Казан. жел. дор. село Красково.

Оком: О председатели и закушника товара кооператива села Краскова

Сущность дела: Зорько стоит на одну ногу с попом Никитским села Красково.

Подробность дела: Есть явное доказательство его собственной рукой писано граж. Жирнову следующее содержание постановили, вам покосу дать одну часть а батюшки две части и прошу вам на это согласится с тем удостоверяет свой подписью без штемпеля, зная то что он не вправе это сделал. Говор. Жирнов не долго думая как отец красноармейца и вдобавок больной сам поехал в Ухтомский Совет с жалобой что его совсем председатель и кулаки совсем хотят согнать в яму, тогда председатель Ухтомского Совета тов. Козорезов, видит, что оне не правильно поступают, пишит им бумажку следующие как семей красноармейцев каждый поселковый председатель должен ставить первую линию и не забывать, последних оставляю без внимания. тов. Жирнов ехал домой и показав эту из Совета бумажку председателю Данилову, который прочел и смотря коса, пишит бумажку следующия содер. Батюш. прошу который мы общем отвели вам покос вы должны поделить по полам с гр. Жирновым с тем и удостоверяет свою подпись, батюшка стал на это смотреть очень косо на гр. Жирнова, и грозит подам на тебя в Епархиальный суд, который его может прогнать как с должности, так и с квартиры и оставить отца по всему ихнего красноармейца,

без должности и без права даже и председатель со своими друзьями кулаками гразит ему словами в дальнейшем я с ним беде поступать по камисаровски» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38843. Л. 24).

«Совер. Секретно 17 августа 1920 года.

ДОНЕСЕНИЕ

Фамилия: Васильев, Попов, Данилин, Поповский и Никитский.

От куда: Москов. Казан. жел. дор. селе Красково.

О ком: О пяти контр-революционерах

Сущность дела: Тихое заседание в церковном саду.

Подробность дела: 15 августа с/г. с 7 час. вечера собрались до общего собрания эти 5 чел. контр-революционеров беседуя что бы им не проговориться на общем собрании весь окончили разговор со хлопаньем ладошами и начали беседовать, начиная во главе первый поп Никитский да нету у меня таких вот, как вы доверчивых людей с кем бы можно было работать без опасности как напремер стало не лезя работать с Жирновым посломщиком который я боюсь под ведег не далеко будущем, председатель села Краскова Н. Данилин начинает говорить Батя надо его смахнуть, он нам теперь очень сильно вредень, говорит Поповский дворянин, я могу добровольно исполнить его должность, но что бы его не было, говорит Васильев, я бы желал что бы и нога его не была в Краскове и последний Попов[ский] соглашаясь с ними и говорит если таких шпионов [неразб.] держать при храме, то не когда Советская власть ни погибнит, но как уйдет Жирнов, то не кто нам мешать ни будет и дальше стал на собрание не ходить народ, и они свои разговоры немножко переменили, а поп не боясь начал читать крестьянам Божественную книжку на собраниях, поп не кого ни величает, товарищи на всех кричит братцы, его помощники зовут не тов. а господа» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38843. Л. 25).

«Гражд. Фриденберг 1917 года до октяб. переворота когда свободно шла усиленная агитация партии публично выступал на общем собрании гражд. села Ухтомского где спеной у рта обзывал большевиков на разныя лады большевики и голубыя, и так долие т.е. рисовал большевиков с очень не хорошей стороны и в настоящие время ведет полный саботаж по своей профессии подрывает крестьян Советской Власти» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38843. Л. 31).

Всего в деле имеется девять донесений «сотрудника». Как видно из приведенных фрагментов, в них упоминаются фамилии всех тех, кто был арестован в октябре 1920 г. Таким образом, аресты были произведены на основании заранее принятого решения местной милиции, а поводом стали донесения завербованного ею сексота.

К судьбе арестованного о. Сергия Никитского прихожане Владимирского храма не остались равнодушными. 30 октября 1920 г. они написали прошение в ЧК с просьбой отпустить священника «на поруки». Эта формулировка свидетельствует о существенной трансформации сознания прихожан за три года господства большевиков. В своем прошении они уже не требуют просто отпустить ни в чем не повинного священника, а, как бы допуская возможность его вины перед советской властью, хотят взять его «на поруки», свидетельствуя тем самым готовность не допустить в дальнейшем контр-революционных действий с его стороны. Так для граждан РСФСР постепенно становились привычными фундаментальные положения, на долгие годы определившие сознание советского человека. Считалось, что «незаслуженного наказания у нас не бывает», что «если посадили, значит, что-то есть», что «органы во всем разберутся» и т.д.

«Мы, нижеподписавшиеся граждане села Краскова, деревни Хлыстова и поселка Томила, — говорилось в прошении, — ПРОСИМ ОТПУСТИТЬ НА ПОРУКИ священника гражданина НИКИТСКОГО СЕРГЕЯ МИХАЙЛОВИЧА, арестованного в ночь с 21 на 22 октября по неизвестной нам причине, т.к. мы не замечаем за ним никаких дел против Советской власти, но даже им исполнялись работы по переписи населения и преступил к переписи сельско-хозяйственного живого и мертвого инвентаря... Принимая во внимание тяжелое семейное положение состоящее из пяти малолетних детей просим не отказать нашей просьбе» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38843. Л. 49).

29 октября 1920 г. отец Сергей Никитский был допрошен. Протокол допроса короткий, и показания священника сводятся к следующему: «Против советской власти никакой деятельности не веду, никакой литературы не распространяю, кроме той, которая продается [в храме]. Я сам и церковный Совет следим за тем, чтобы литература, продаваемая в храме, не была бы двусмысленного содержания... Никогда никакой контрреволюционной агитации не вел и не веду» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38843. Л. 40).

Подобные показания дали и другие арестованные, после чего все были отпущены на свободу. Такое развитие событий и столь краткий срок содержания под стражей создают ощущение того, что чекисты искали удобный повод, чтобы поскорее освободить узников, арестованных совершенно напрасно. И повод нашелся: третья годовщина «Великого Октября». К своим датам новая власть относилась всегда с неизменным трепетом.

«1920 года, ноября 8 дня, следователь Московской Чрезвычайной Комиссии Отдела по борьбе с Контрреволюцией, Синат, рассмотрев следственное дело... по обвинению граждан Сергея Михайловича Никитского, Федора Ивановича Попова, Николая Николаевича Данилина, Эдуарда Егоровича Вейде и Александра Сидоровича Кузнецова в агитации против Советской Власти

ПОСТАНОВИЛ:

Войти с ходатайством в Коллегию Московской Чрезвычайной Комиссии о немедленном освобождении всех указанных в сем постановлении лиц ввиду ТРЕТЬЕЙ ГОДОВЩИНЫ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, прекращении дела дальнейшим производством, сдаче его в архив и выдаче всего отобранного.

30 октября 1920 года» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38843. Л. 47).

Фактическое освобождение произошло не сразу после подписания приведенного постановления, а лишь в декабре 1920 г. Об этом свидетельствует «Выписка из протокола Заседания Коллегии Отдела К. Р. ВЧК от 4 декабря 1920 г.». На заседании слушалось «дело Никитского С. М. и др. по обвинению в агитации против Сов. Власти» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38843. Л. II). В документе, уже не скрывая, назвали это общее дело «Делом Никитского». Это полностью подтверждало первоначальные намерения попытаться обезглавить очередной церковный приход. Это, уже третье, дело о Сергия окончилось для него и других арестованных полуторамесячным заключением. Все арестованные по рассмотренному делу были полностью реабилитированы в 2002 г. Справки о реабилитации находятся в архиве (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38843. Л. 6/н.).

Весной 1922 г. в приходах Московской епархии проводились изъятия церковных ценностей, что не раз становилось поводом для арестов среди духовенства и мирян. В красковском храме были изъяты следующие серебряные и посеребрённые вещи: «5 риз с икон, 1 подсвечник, наугольники Евангелий, 5 сосудов с приборами, 8 лампад и 1 крест» (ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 16. Д. 294 г. Л. 153). Общий вес ценностей составил 13 фунтов и 6 золотников, то есть более 5 кг в пересчете на современные меры. На протоколе стоит подпись свящ. Сергия Никитского (ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 16. Д. 294 г. Л. 153). Сведений о каких-либо эксцессах при изъятии ценностей в архивах не имеется.

Дело 1932 г.

9 апреля 1932 г. настоятель Владимирской церкви села Краскова прот. Сергей Никитский был арестован в очередной раз. Начало 1930-х гг. стало временем колхозного строительства, но темпы коллективизации были далеки от намеченных. В ряду категорий лиц, объявленных властями виновными в сопротивлении всеобщей коллективизации, ожидаемо оказалось духовенство, чем объясняется рост числа уголовных дел в отношении священно- и церковнослужителей в этот период. Помимо того что уже в силу своего положения о. Сергей Никитский находился в группе риска, были и иные причины его ареста в 1932 г. Прежде всего, будучи к тому времени уже дважды подвергавшимся аресту, он постоянно находился в поле зрения ОГПУ. Кроме того, сельский священник, по сформировавшемуся мнению властей, иногда, впрочем,

небезосновательному (см.: [Обозный, 2020]), мог иметь влияние на крестьян, не желавших вступать в колхозы (см. также: [Строганов, 2021]).

Из анкеты (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38229. Л. 6–7), заполненной на «арестованного Никитинского С. М. (так в тексте. — *В.Н.*)», узнаем, что Никитский Сергей Михайлович, сын диакона, родился в октябре 1885 г.², имеет среднее образование: окончил Московскую духовную семинарию. Кроме того, в анкете содержатся некоторые биографические сведения, а также перечень имущества, принадлежавшего семье священника.

В первые десятилетия советской власти существенную часть анкет арестованных составляло описание имущественного положения их семей до и после 1917 г. Еще одной вехой, по отношению к которой оценивалось благосостояние арестованных, стал 1929 г., что также не было случайным. Хотя курс на коллективизацию был принят в самом конце 1927 г., но именно в 1929 г. партийно-государственными органами принимается решение о форсировании ее процессов. Теоретическим обоснованием форсирования коллективизации явилась статья Сталина «Год великого перелома», опубликованная в «Правде» 7 ноября 1929 г. (Сталин, 1999, 740–742). В статье констатировался произошедший перелом в настроении крестьянства в пользу колхозов и на этом основании выдвигалась задача быстрее завершения коллективизации, от которой вскоре пострадают наиболее крепкие крестьянские хозяйства, а также многочисленные «социально чуждые элементы», к которым духовенство относилось в первую очередь. Кроме того, в апреле того же 1929 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» (О религиозных объединениях, 1942), определившее политику большевиков по отношению к Церкви на десятилетия и ознаменовавшее очередную волну гонений на верующих и духовенство (см.: [Целовальникова, Ильязова, 2015]).

В свете сказанного представляет интерес сравнение имущественного положения семьи арестованного свящ. Сергия Никитского до революции, в 1929 г. и на момент ареста в апреле 1932 г. Выясняется, что в недавнем прошлом у Никитских имелось небольшое хозяйство, состоявшее из двух десятин земли³, лошади, коровы и мелкого инвентаря. Такое же имущественное положение было у семьи священника и до революции. А на вопрос следователя, каково он сейчас — в апреле 1932 г., о. Сергей отвечает: «Ничего не имею» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38229. Л. 6). Следовательно, есть все основания полагать, что такая разительная перемена в имущественном положении о. Сергия произошла по причине непосильного налога, которым облагались все социально чуждые элементы, а также в связи с началом так называемой сплошной коллективизации. Таким образом, анализ короткого фрагмента анкеты свидетельствует, что ни революция, ни последовавшая за ней Гражданская война не повлияли на экономическое положение семьи сельского священника так разрушительно, как коллективизация, начавшаяся в конце 1920-х гг. [Никонов, Семенов, 2017, 396].

Неожиданные сведения содержатся в анкете арестованного С. М. Никитского в графе «Привлекался ли к судебной ответственности». Здесь, помимо указания на аресты 1919 и 1920 гг., содержится информация о том, что в 1924 г. он вновь привлекался к уголовной ответственности — за самовольную порубку леса. Обстоятельства дел 1920 г. нам известны, но что именно произошло в 1924 г., остается невыясненным, так как следственное дело обнаружено не было. Этот факт позволяет говорить о том, что арест священника в 1932 г. был уже четвертым по счету. Примечательным является тот факт, что арест 1924 г. производился не по политической, а по уголовной статье, в чем проявилась общая тенденция органов ВЧК-ОГПУ-НКВД представлять духовенство и близких к нему людей не просто контрреволюционерами, отношение к которым в обществе не было однозначным, но банальными уголовниками, к которым во все времена обыватель относился неприязненно.

² По другим сведениям, С. М. Никитский родился в 1887 г.

³ Чуть более 2 га.

12 апреля 1932 г. состоялся допрос первого свидетеля⁴ по делу свящ. Никитского (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38229. Л. 8–9 об.). Им стал служитель культа, диакон храма, расположенного неподалеку. Показания свидетеля не оставили сомнений в его неприязненном отношении к о. Сергию. Прежде всего он отметил домовитость красковского батюшки, сообщив, что тот в 1929 г. построил в Краскове дом, обзавелся хорошим хозяйством, имеет корову и лошадь. Это совершенно не соответствует тому, что записано в анкете со слов самого священника. Далее следует набор обвинений, совершенно не характерных для священнослужителя: «священник Никитский, — читаем в протоколе, — ярый противник советской власти, эксплуататор чужих трудов, шкуродер, рассказывал проповеди, ходил с крестными ходами в Малаховку и по окрестностям, хороший оратор, антисоветски настроен, ярый монархист, умеет влиять на публику и верующих, большой бабник». На первый взгляд может показаться, что в этом коротком фрагменте содержатся никак не связанные между собой характеристики. В действительности же здесь все подчинено строгой логике. В самом деле: поп Никитский, по убеждениям монархист и антисоветчик, одновременно является прекрасным оратором, умеющим увлечь публику, что при его взглядах становится опасным. Однако в 1932 г. это только возможная, гипотетическая его вина. (Грань между гипотетической и реальной виной будет окончательно стерта лишь через пять лет.) Но и на практике, согласно показаниям свидетеля, свящ. Никитский закон преступил. Во-первых, эксплуатировал чужой труд (в протоколе не говорится, как именно, но домыслить, что поп использовал наемную рабочую силу, можно, а это законом запрещено). Во-вторых, ходил с крестными ходами не только за пределы церковной ограды, но даже в соседнее село, что, если не было согласовано с местными властями, прямо нарушало нормы Декрета об отделении Церкви от государства, направленного «именно против Православной Церкви» [Фирсов, 2014, 33, 90]. Наказание за первый проступок — штраф или срок, наказание за второй — закрытие храма. Кроме того, поп — бабник. Значит, и с моральной стороны человек недостойный. Так бессмысленные на первый взгляд обвинения оказываются в глазах следствия вполне структурированными и рисуют священника с нужной для сотрудников ОГПУ стороны.

Почти половина допроса посвящена якобы имевшим место амурным похождениям священника, что говорит, с одной стороны, о том, что свидетель хорошо владел этой темой, а с другой — что следователю она представлялась важной. Кроме того, по словам свидетеля, о. Сергей был пьяницей, и вообще «нужно давно изгнать такой вредный элемент, который может по своей опасности только вредить, способный продать любого и каждого. Своим поведением он давно заслужил, что ему положено. Безусловно считаю, что таким вредным попам нет места в советской республике, которые потеряли не только поповскую совесть, но и лицо, как человек и прикрываясь маской, делая обман на каждом шагу» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38229. Л. 9). Заключительный пассаж выразительно характеризует самого свидетеля, который, употребляя выражение «поповская совесть» — очевидный для советской России оксюморон, — пытается апеллировать к насаждаемому советской властью размежеванию духовенства. В этой системе координат свящ. Сергей Никитский становится «вредным попом», коим нет места в советской республике. Отсюда напрашивается вывод о том, что есть «попы полезные», к которым, надо полагать, свидетель причисляет себя. Такие неуклюжие попытки вписаться в новые рамки нередко встречаются в материалах следственных дел рубежа 1920–1930-х гг. Характерно, что в аналогичных документах периода Большого террора они не фиксируются, во всяком случае, автору встречать их не приходилось.

14 апреля 1932 г. по делу был допрошен еще один свидетель (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38229. Л. 10–11), тоже из духовных, бывший монах, а ныне церковный сторож, уроженец Рязанской губернии. Его показания также были не в пользу о. Сергия.

⁴ Всего свидетелей по делу было четверо. В настоящей статье имена свидетелей опущены, хотя в протоколах они указаны полностью.

Как и первый свидетель, он несколько раз упоминал о легкомысленном поведении священника в отношении женского пола, однако ничего конкретного не рассказал. Основные претензии церковного сторожа сводились к зажиточности батюшки, у которого якобы и хозяйство было богатое, и дом хороший, и жена не работала, а он, свидетель, получает за свои труды всего 30 рублей. Вообще показания второго свидетеля были невнятными, следователю было практически не за что зацепиться, и только когда речь зашла о проповедях о. Сергия, появилась надежда на что-нибудь более существенное в смысле противоправной деятельности свящ. Никитского. Но и здесь следствие ждало разочарование: свидетель ничего не мог припомнить из сказанного попом, кроме того, что тот призывал граждан почаще ходить в церковь. Это единственное из показаний, которое следователь подчеркнул красным карандашом.

Таким образом, показания первых двух свидетелей выглядели довольно бледно и сводились в основном к моральному облику о. Сергия.

Надо сказать, что в делах против священников и вообще людей, связанных с Церковью, следствие по возможности старалось задействовать свидетелей из духовенства. Этим достигалось сразу несколько целей: во-первых, это дискредитировало само духовенство, во-вторых, это вносило разлад в ряды верующих, в-третьих, священно- и церковнослужители оказывались наиболее информированными свидетелями, так как хорошо знали внутрицерковные отношения. В ряде случаев такими свидетелями становились священнослужители, вовлеченные властями в обновленческий раскол, однако по материалам рассматриваемого дела сделать вывод о том, имели ли какое-либо отношение к обновленцам свидетели по делу о. Сергия Никитского, невозможно. Отметим, однако, что заполучить таких свидетелей органам ОГПУ-НКВД-МГБ удавалось не часто, но в деле свящ. Сергия Никитского их оказалось сразу двое.

Показания третьего свидетеля, помощника начальника цеха Люберецкого завода, допрошенного существенно позже — 26 апреля, оказались более содержательными (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38229. Л. 12–13). Он, в отличие от своих предшественников, не касался темы якобы безнравственного поведения священника, а сразу обрисовал конкретные деяния последнего, очевидно, интересовавшие следствие. «В 1922 г., — показывал свидетель, — поп Никитский открыто выступил с проповедями против советской власти, а также вывешивал секретные воззвания к народу, содержание которых было следующее: „Сидящие большевики из рабочих не сумеют руководить властью. Рабы Божьи, если большевики говорят вам о том, что Бога и церкви нет, это неверно. И то, что религия — дурман, это тоже ложь. Большевики открывают клубы, в которых только разврат. Уговаривайте молодежь не ходить в вертеп, а посылайте ходить в храм Божий, который спасет их“». Непонятно, почему свидетель назвал такого рода «воззваниями», да еще и секретными, но здесь по крайней мере прослеживается хоть какое-то выражение протеста против мероприятий, проводимых советской властью. Далее в показаниях приводятся случаи торговли «попом Никитским» церковными книгами, почему-то «с антисоветским уклоном». Разумеется, просоветскими церковные книги назвать нельзя, однако приписывать им контрреволюционное содержание было явно излишним. В протоколе допроса третьего свидетеля содержится одно обстоятельство, обращающее на себя внимание. По его словам, в 1923 г. о. Сергей подвергся аресту, в результате которого у него был изъят «целый ящик литературы антисоветского характера». Скорее всего, свидетель имел в виду события 1920 г., когда в деле фигурировали книги, на проверку оказавшиеся копеечными душеполезными брошюрами. Хотя исключать того, что в 1923 г. священника арестовывали еще раз, нельзя.

Но наиболее серьезные «преступления» о. Сергия были описаны в показаниях последнего, четвертого свидетеля, рабочего из Москвы, проживавшего в селе Карачарове, относившемся тогда к Ухтомскому району Московской области (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38229. Л. 14–15). Его показания полностью посвящены проявлениям антисоветских настроений красковского батюшки, выразившимся в личных беседах со свидетелем, что говорит об их близком знакомстве и доверии, которое испытывал священник к последнему. Так, однажды поп Никитский якобы говорил: «Много было преданных

коммунизму, готовых за советы жизни отдать, а как присмотрелись к порядкам, так идут на попятную. Возьму, к примеру, своего племянника. Был на фронте, сражался за советы и за Троцкого, жизни своей не жалел. А как приехал с фронта, посмотрел, что делается, и первым врагом советов сделался. [Говорит], что первый готов пустить пулю в Сталина. Рассказывал также... про патриарха Тихона и его смерть: „Патриарх Тихон умер не своей смертью, его коммунисты отравили, хотя он и лечился в частной больнице. Отравление сделали через десну купленным врачом. Митрополит Петр за контрреволюционную деятельность был сослан на 3 года. Срок ссылки кончился, его отпустили, но дорогой заставляли работать в контакте с советской властью. Митрополит отказался, за что его сослали обратно“. Далее [Никитский] мне рассказал анекдот, компрометирующий вождей. Как на призывной пункт явился чахоточный красноармеец и говорит, что он болен чахоткой. Ему ответили, что Дзержинский был чахоточным, а служил, Ленин тоже был сифилитиком, а работал и у Сталина с головой непорядки, а работает. Вот он до каких сумасшествий докатился, а ничего, работает» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38229. Л. 15).

Такая осведомленность позволяет предположить в четвертом свидетеле тайного сотрудника ОГПУ. Иначе как можно объяснить тот факт, что ему известно не только содержание разговоров, но и имена собеседников о. Сергия, которые, по словам свидетеля, уже арестованы? И это при том, что сам свидетель остается на свободе. Что же касается анекдота, то простой гражданин вряд ли рискнул бы повторить такое на допросе.

Обращает на себя внимание существенная разница в показаниях двух первых свидетелей в сравнении с последними. Если показания первых напоминали о кухонных склоках, то показания последних содержали явные контрреволюционные высказывания. В первом случае — голословные обвинения в антисоветской настроенности и приставании к женщинам, во втором — активное отрицание советской власти, связь с осужденными по политическим статьям, распространение клеветы на вождей. С таким набором шансов остаться на свободе у священ. Сергия Никитского, разумеется, не было. Можно предположить, что показания двух первых свидетелей представляли для следствия ценность лишь принадлежностью обоих свидетелей к духовенству.

Отца Сергия допросили 17 апреля 1932 г., то есть через восемь дней после ареста. Все это время он содержался в Люберецком ОГПУ без предъявления какого-либо обвинения. Информативная часть протокола занимает чуть более одной страницы, написанной крупным почерком. Это значительно короче показаний любого из свидетелей. Отец Сергей отрицал все возводимые на него обвинения как в антисоветской деятельности, так и в недостойном священника поведении, причем последней теме уделено несоизмеримо больше места, нежели всему остальному. Примечательно, что в протоколе допроса нет ни слова о якобы имевших место связях с осужденными контрреволюционерами, клевете на вождей революции, распространении антисоветской литературы и племяннике, который намеревался совершить покушение на Сталина (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38229. Л. 17–18).

Тем не менее в тот же день было составлено постановление о предъявлении обвинения и избрании меры пресечения С. М. Никитскому, причем именно по политической 58-й статье. Следственные органы включили в него даже «попытку к изнасилованию».

«1932 г. апреля 17 дня, я, уполномоченный ОГПУ Кривошапкин, — говорилось в документе, — рассмотрев материалы по делу № 34 и, приняв во внимание, что гр. Никитский Сергей Михайлович достаточно изобличается в том, что будучи попом в Красковском поселке при церкви ведет антисоветскую агитацию, выступает в проповедях, была попытка к изнасилованию, а потому постановил: Никитского С. М. привлечь в качестве обвиняемого во ст. 58/10 УК РСФСР, а мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38229. Л. 19, 19 об.).

Ситуация выглядит парадоксальной, так как представленный выше документ нарушает всю логику следствия. События, напомним, развивались следующим образом:

9 апреля 1932 г. отца Сергия арестовывают. 12 и 14 апреля следователь Кривошапкин допрашивает двух первых свидетелей, основным содержанием показаний которых является моральный облик священника. 17 апреля тот же самый Кривошапкин допрашивает самого о. Сергия, составляет протокол и выносит постановление, которые мы только что процитировали. Разумеется, допрос вертится вокруг показаний первых двух свидетелей. Что же касается главных — «политических» — показаний против батюшки, то о них ни в протоколе, ни в постановлении нет ни слова по простой причине: самих свидетельских показаний еще нет. Дело происходит 17 апреля, а необходимые «политические» показания появятся только 26-го. И получит их не Кривошапкин, а другой следователь — Бузенков.

Надо полагать, что после допросов первых свидетелей, которые рассказали не то, что от них требовалось, следствие, сделав паузу в 12 дней, назначило нового следователя, более опытного, который и нашел нужных свидетелей, готовых дать «правильные» показания. Беда для свящ. Сергия Никитского заключалась в том, что он, судя по всему, об этих последних свидетелях и об их показаниях некоторое время вообще ничего не знал и пребывал в уверенности, что все возводимые на него обвинения заключаются в показаниях первых двух.

26 апреля в деле о. Сергия появляются сразу три судьбоносных документа: протоколы новых свидетелей и обвинительное заключение, которое, в отличие от беспомощного постановления следователя Кривошапкина, содержало уже материалы новых допросов, вполне соответствовавших 58-й статье УК. Неудивительно, что заканчивается обвинительное заключение так:

«Допрошенный по настоящему делу обвиняемый Никитский виновным себя не признал, говоря, что проповеди им раньше действительно велись на религиозные темы, антисоветской и контрреволюционной деятельности никакой не вел, но в деле достаточно избочлена его контрреволюционная деятельность, подтвержденная свидетельскими показаниями, а поэтому полагал бы:

Дело Никитского Сергея Михайловича, служителя культа — священника Красковской церкви считать законченным и направить на рассмотрение Особой Тройки при ПП ОГПУ МО по ст. 58 п. 10 УК.

Мерой пресечения способов уклонения от суда избрать содержание обвиняемого под стражей с зачислением за Особой Тройкой при ПП ОГПУ МО» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38229. Л. 21, 22).

Заседание Тройки состоялось 3 июня. Решение для того времени было стандартным: три года лагерей. Надо сказать, что в 1932 г. Особая тройка, «судившая» о. Сергия, имела полномочия выносить приговоры, по которым срок лишения свободы не превышает трех лет. Только этим ограничением и объясняется столь короткий срок «наказания». Разумеется, трехлетнее заключение для «попов и прочих социально чуждых элементов» представлялось властям явно недостаточным, и уже в 1934 г. полномочия «троек» будут существенно расширены, так что в этом смысле о. Сергию «повезло». Следует отметить также, что особенность «работы» «троек» заключалась в том, что они «судили» обвиняемых исключительно по материалам следственного дела, то есть без их личного присутствия на заседании. Так, о. Сергей узнал о своем приговоре лишь через 13 дней после его вынесения — 16 июня 1932 г.

Сразу же он написал в ОГПУ заявление с просьбой о пересмотре дела, где указал на то, что его осудили по 58-й политической статье, не доказав никаких его антисоветских и контрреволюционных деяний. Текст заявления свидетельствует, что о. Сергей по-прежнему находился в неведении относительно показаний второй пары свидетелей и, как и прежде, ссылался на показания первых двух и протокол своего допроса. Он сетует и на то, что ему даже не дали ознакомиться с материалами дела. Разумеется, это заявление никак не повлияло на его дальнейшую судьбу (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38229. Л. 26).

14 июля было определено место, где должен был отбывать наказание свящ. Сергей Никитский, — БЕЛБАЛТЛАГ ОГПУ на станции Медвежья Гора Мурманской железной

дороги. Это означало, что он отправлялся на строительство Беломорско-Балтийского канала. По счастью, на Беломорканале о. Сергию не довелось отбыть весь срок, и 7 февраля 1933 г. он был досрочно освобожден с лишением до окончания срока права проживания в местности, откуда был арестован, и еще в 12 населенных пунктах.

Новым местом поселения было выбрано село Послово Орловской области. В 1934 г. о. Сергей писал несколько прошений о пересмотре его дела и досрочном освобождении, но все они остались без удовлетворения. Потеряв надежду добиться сокращения срока заключения, он сделал попытку получить разрешение на короткое свидание с матерью, написав заявление, в котором говорилось: «Прошу разрешить мне выехать на свидание с семьей и престарелой /75 лет/ матерью. В настоящее время сильно больной, проживающей в с. Красково Ухтомского района Московской обл. Я осужден 3 июня 1932 года тройкой ШП ОГПУ МО на 3 года труд-лагерей... Прошу не отказать мне, как бывшему каналармейцу в моей просьбе увидеть больную мать — старуху» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38229. Л. 32). В этой просьбе священнику было отказано (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38229. Л. 29).

Дальнейшая судьба о. Сергия по следственному делу не прослеживается, известно лишь, что по этому делу он был реабилитирован 7 июня 2001 г. В заключении о реабилитации отмечено, что справка никому из родственников не отправлялась (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38229. Л. б/н). Это означает, что за ней никто из родственников не обращался. Она по сей день хранится в Государственном архиве Российской Федерации.

Заключение

Анализ череды следственных дел, возбужденных против сельского священника Сергия Михайловича Никитского, позволяет рассматривать его судьбу как выразительное отражение государственной антицерковной политики в 1920–1930-х гг. Подвергнутый первому аресту в конце 1919 г., он уже не выходил из поля зрения правоохранительных органов по крайней мере до середины 1930-х гг., когда ему, уже отбывшему часть трехлетнего срока, определенного в качестве наказания в 1932 г. Тройкой ОГПУ, и переведенному из лагеря на поселение, отказали в свидании с престарелой матерью. Это само по себе, несомненно, может считаться проявлением репрессивной политики властей по отношению к ссыльному священнослужителю. Документы, приведенные в настоящей статье, позволяют утверждать, что в период с 1919 по 1932 г. о. Сергей Никитский арестовывался не менее четырех раз, а следственные дела заводились на него не менее пяти раз. Следует отметить, что священнику удалось избежать репрессий, связанных с кампанией по изъятию церковных ценностей 1922 г. Кроме того, в архивах отсутствуют сведения о попытках вовлечения клира Владимирского храма в обновленческий раскол, при том что некоторые храмы в округе, например расположенный неподалеку от Краскова Преображенский храм в Люберцах, с начала 1920-х гг. были обновленческими [Никонов, Новак, 2020, 67–69].

Анализ репрессий духовенства позволяет определить периоды, когда число дел о якобы антисоветской агитации, возбуждаемых против священно- и церковнослужителей, резко возрастало. Это «контрреволюционные» дела 1919–1920-х гг., это аресты, связанные с изъятием церковных ценностей в 1922 г., имеющим целью раскол Церкви [Митрофанов, 2021, 111], это ряд дел рубежа 1920–1930-х гг., совокупными причинами которых стали Постановление о церковных объединениях 1929 г., в значительной степени осложнившее положение Церкви, и неудачи в деле колхозного строительства, в которых наряду с кулаками так легко было обвинить «попов». Затем следовал период Большого террора и, наконец, рубеж 1940–1950-х гг., когда в лагерь массово отправлялись «повторники», то есть те, кому удалось выжить после арестов в 1937–1938 гг.

Свящ. Сергей Никитский неоднократно репрессировался в первые годы советской власти. Затем его следы теряются, сохранились лишь заявления 1934 г., которые он писал в НКВД из Орловской области, где находился на поселении. Вероятность

того, что следующий арест о. Сергия мог произойти в 1937 г., если исходить из логики действий властей, весьма велика, тем более что тогда ему могло быть всего около 50 лет (он родился, по разным сведениям, в 1885 или в 1887 г.). К сожалению, попытки автора проследить судьбу священника после 1934 г. не увенчались успехом. Автор выражает надежду, что настоящая публикация станет полем для дальнейших исследований по заявленной теме.

Источники и литература

Источники

1. ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-34851; Д. П-38229; Д. П-38843.
2. ЦГАМО — Центральный государственный архив Московской области. Ф. 66. Оп. 16. Д. 294г; Ф. 4612. Оп. 1. Д. 311.
3. О религиозных объединениях (1942) — О религиозных объединениях. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. // Справочник районного прокурора / Под общ. ред. прокурора Союза ССР В. М. Бочкова. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1942.
4. Сталин (1999) — *Сталин И. В.* Год великого перелома // Трагедия российской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1: Май 1927 — ноябрь 1929. М.: РОССПЭН, 1999.

Литература

5. Емельянов, Хайлова (2008) — *Емельянов Н. Е., Хайлова О. И.* Гонения на Русскую Православную Церковь (1917–1950-е годы) // Россия и современный мир. 2008. № 4. С. 111–128.
6. Митрофанов (2021) — *Митрофанов Г., прот.* Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонении. Церковь в пленении. М.: Практика, 2021. 528 с.
7. Никонов, Новак (2020) — *Никонов В. В., Новак В., свящ.* Храм Преображения Господня в Люберцах. М.: Кунай-колодец, 2020. Т. 2. 360 с.
8. Никонов, Семенов (2017) — *Никонов В. В., Семенов И., свящ.* Православное Красково. История храмов Преображения Господня в Коренево и Владимирской иконы Божией Матери в Красково. М.: Кунай-колодец, 2017. 820 с.
9. Обозный (2020) — *Обозный К. П.* Православная Церковь в СССР накануне коллективизации // Крестьяноведение. 2020. № 3. С. 97–108.
10. Регельсон (2017) — *Регельсон Л. Л.* Трагедия Русской Церкви. 1917–1953 гг. М.: Центрполиграф, 2017. 415 с.
11. Савин (2014) — *Савин А. И.* Сотрудничество с тайной полицией как специфическая форма политической адаптации верующих в советском государстве (1920–1940-е гг.) // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2014. № 3. С. 37–47.
12. Сипейкин (2016) — *Сипейкин А. В.* Антирелигиозная и антицерковная политика советской власти: 1917–1920 годы // Вестник ТвГУ. Сер.: История. 2016. № 4. С. 16–38.
13. Строганов (2021) — *Строганов А. В.* Роль духовенства в крестьянском протесте в период коллективизации // Власть. 2021. № 3. С. 235–240.
14. Фирсов (2014) — *Фирсов С. Л.* «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 — нач. 1940 гг.: очерки истории. М.: ПСТГУ, 2014. 474 с.
15. Целовальникова, Ильязова (2015) — *Целовальникова И. И., Ильязова Р. В.* Реализация нормативно-правовых актов в сфере антирелигиозной политики в СССР в конце 1920-х — 1930-е гг. (На примере Ульяновской губернии) // Власть. 2015. № 1. С. 109–112.